

Харви ВАЙНШТЕЙН

ВЫПИТЬ И ЗАКУРИТЬ В ЛОС-АНДЖЕЛЕСЕ

Он много курил, любил выпить, был гордым, высокомерным, обаятельно скептическим—словом, это был мой человек. Еще он был одним из величайших режиссеров на свете.

Впервые я услышал имя Кшиштофа Кесьлевского в 1990 году, когда Треа Ховинг, заведовавшая у нас в «Мирамаксе» покупкой фильмов, сказала, что мне надо бы посмотреть «Декалог»—польский сериал по Десяти заповедям. Идея смотреть десятичасовой польский телефильм и лететь ради этого в Англию была привлекательна, как визит к зубному врачу. Но Треа настаивала, и однажды я оказался в просмотровом зале в Лондоне, с двумя упаковками диет-колы по шесть банок и унылыми английскими сэндвичами—сыр с маринованными огурчиками.

Через десять часов мои взгляды на кинематограф переменялись. Я вышел из зала восхищенный и потрясенный, как будто меня прогнали сквозь строй всех возможных чувств.

Думаю, если попытаться определить в двух словах главную тему всего творчества Кесьлевского, то это—природа человека. Живя в мире, перенасыщенном политикой, Кшиштоф делал фильмы о положении человека в жизни вообще.

Весной девяносто первого я увидел десять минут материала «Двойной жизни Вероники», прочитал сценарий и купил фильм. Спустя три месяца в Париже я посмотрел его целиком и познакомился с Кесьлевским. Фильм был одним из самых лирических, какие мне доводилось видеть. В жизни автор демонстрировал этакую европейскую сдержанность; позже я узнал, что под этой маской таится гигантская способность к сочувствию.

Еще я узнал, что человек, перед которым все вокруг благоговели как перед кинематографическим гением и который часто казался замкнутым и высокомерным, мог быть пылким, откровенным и земным. И при том, что его произведения отмечены печатью божественного прикосновения, сам он был абсолютным прагматиком. А самое главное—он познакомил меня с польской водкой, которая, как он утверждал, гораздо лучше русской.

Я полюбил «Двойную жизнь Вероники», но не понял финала. Позже, после премьеры фильма в Канне, ни высоколбые критики, ни так называемые интеллектуалы из моих знакомых не смогли объяснить мне, что означает заключительный стоп-кадр: рука Вероники, касающаяся дерева. И я совершил неслыханную дерзость. Когда мастер приехал на открытие Нью-Йоркского кинофестиваля, спросил у него, что он хотел сказать финалом «Вероники». Я готовился к потрясающей глубины откровениям, а получил простодушнейшее объяснение: у Вероники был паршивый день, и она приехала домой к папе. Тогда я понял, что Кшиштоф не стремится загадывать зрителям ребусы, над которыми долго чешешь в затылке, а потом хлопашь себя по лбу, восхищаясь собственной догадливостью. И я совершил еще большую дерзость: попросил Кшиштофа изменить финал, чтобы сделать его мысль чуть более понятной для американской аудитории. Он ска-

зал, что подумает. Я не смел настаивать: все-таки это был Кшиштоф Кесьлевский. А потом, после того как фильм показали на фестивале, у меня звонил телефон. Это был Кшиштоф: «Приезжай. Я хочу переделать финал. Его не поняли». На приеме после просмотра он расспросил нескольких человек и решил, что если аудитория Пятой авеню не поняла финала, то уж тем более он не будет понятен в обычном кинотеатре.

Мы встретились в гостиничном номере, и Кшиштоф стал рисовать на почтовой бумаге раскадровку: изменения, которые он хотел бы сделать в монтаже. Мы привезли из Польши материал, и на основе раскадровки внесли их. Мы выжали из проката все до последней капли, и, несмотря на плохую рецензию в «Нью-Йорк Таймс» и еще худшую в «Лос-Анджелес Таймс» (в ней Петер Райнер сравнил фильм с рекламой духов), он принес два миллиона долларов, получил несколько наград у критики и номинацию на «Золотой глобус» как лучший иностранный фильм. Кшиштоф впервые покориł Америку. Квентин Тарантино, посмотрев «Двойную жизнь Вероники» на Каннском кинофестивале, где представлял свой фильм «Бешеные псы», написал в «Криминальном чтиве» роль подружки боксера для Ирен Жакоб, молодой французской актрисы, сыгравшей у Кшиштофа главную роль. Позже Квентин попросил меня переговорить с Ирен. Она была польщена, но уже обещала участвовать в трилогии, над которой работал Кшиштоф (у Тарантино в результате сыграла Мария де Медейрос).

Так я впервые услышал об этих потрясающих фильмах. Мы с Треа прочитали сценарии «Трех цветов»—трилогии о свободе, равенстве и братстве (называвшиеся «Синий», «Белый» и «Красный» соответственно), и они нам очень понравились. Но продюсер Марин Кармиц не хотел продавать фильмы заочно, он желал убедиться, что покупатели разделяют его энтузиазм. Ну, что ж. Вместе с Треа и Аньес Ментр, президентом «Мирамакс-Зое», я полетел в Париж.

В маленьком просмотровом зале у Кармица мы увидели «Синий»—историю женщины, чьи муж и дочь погибли в автомобильной катастрофе, а сама она осталась жива. Ее роль исполняла изумительная Жюльетт Бинош. Я рано потерял отца, чувства, связанные с этой потерей, вновь захлестнули меня, и в конце фильма я расплакался. Бизнес бывает безмолвен, и думаю, когда Кармиц увидел мое лицо, слезы на глазах у такого, так сказать, крутого парня, он понял, как понял и я, что «Мирамакс» и трилогия помолвлены.

«Белый», комедия о польском парикмахере, решившем отомстить своей бывшей французской жене, обнаружил комедийный дар Кшиштофа.

На каждый кинофестиваль или церемонию награждения, от Теллурайда до Нью-Йорка и вручения «Золотых глобусов», Кшиштоф прибывал с бутылкой польской водки и запасом своих сигарет, даже если мероприятие проходило в таком известном аду для курильщиков, как Лос-Анджелес. Мне приходилось отправлять помощников разведать, где он сможет курить, а после третьей рюмки водки мой соревновательный азарт улетучивался и мне становилось все равно, победим мы или нет.

В книге «Кесьлевский у Кесьлевском» Кшиштоф говорит: «Мне все чаще кажется, что по-настоящему мы интересуемся только самими собой. Даже если и обращаем внимание на других—то исключительно ради себя.

Это одна из тем третьего фильма—«Красный»^{*}. Я впервые смотрел его в Каннах вместе с Квентином Тарантино. Когда фильм закончился, он повернулся ко мне и сказал: «Это лучший фильм года, и он получит “Золотую ветвь”». Все думали, что это вопрос решенный, и были потрясены не только тем, что ветвь досталась «Криминальному чтиву», но еще больше тем, что «Красный» не получил ничего.

Через несколько часов я увидел Кшиштофа на вечеринке, устроенной Кармицем на теплоходе «МК2». Последовательный фаталист, он от души веселился и танцевал с Ирен Жакоб. Если бы меня спросили, что приятнее—получить «Золотую ветвь» или танцевать с Ирен, я сказал бы: практически одинаково. Со смертью Кшиштофа мое сердце охладело к Ирен—муза осталась без своего творца.

По иронии судьбы на «Красный» обрушился еще один удар. В 1994 году он был представлен Швейцарией на «Оскара» за лучший иностранный фильм, но снят с конкурса по каким-то формальным причинам. (Тот же удар годом ранее пришелся по «Синему».) Но затем члены Академии опомнились^{**} и выставили «Красный» на «Оскара» за лучшую режиссуру, оригинальный сценарий и операторскую работу. Это способствовало феноменальному успеху картины в Штатах.

«Красный», оказавшийся последним фильмом Кшиштофа, одинаково полюбили и зрители, и критика. Многие критики, которые прежде не были поклонниками Кесьелевского, старались забраться на его триумфальную колесницу. Узнав о номинациях, я наутро позвонил Кшиштофу, чтобы сообщить хорошие новости; он попросил подождать. Он разговаривал по другому телефону со страховым агентом о своем автомобиле и, прежде чем выслушать хорошие новости, должен был закончить беседу и поведать мне о своих автомобильных неприятностях. Он все делал по порядку.

Кшиштоф прилетел на оскаровскую церемонию, хотя она и проходила в Лос-Анджелесе. Мы разыскали ему местечко для курения, но на приеме у губернатора нам пришлось тяжелей. Он пронес контрабандой бутылку польской водки, и я с удовольствием стал соучастником.

Друзья, занимающиеся кино, спрашивали меня, о чем мы разговаривали, что он был за человек, доводилось ли нам обсуждать метафизическую сторону человеческой жизни. По правде сказать, мы говорили о футболе и делились домашними новостями. Он был удивительно земным человеком. Но позже я подумал, что мы, пожалуй, разговаривали о метафизической сущности человеческой жизни—только тогда я этого не понимал.

Его спрашивали, действительно ли он уходит из кино, и он говорил—да. Но я замечал тень улыбки в уголках его губ. Он был измотан. Ему надо

^{*} Цитата приводится по переводу этой книги на русский язык, осуществленному Ириной Адельгейм при участии Олега Дормана. Название—«О себе»—было взято из польского издания: *Кесьелевский К.* О себе: Запись Дануты Сток. М.: Новое издательство, 2010. С. 122.

^{**} Члены Американской киноакадемии—впервые в ее истории—выразили коллективный письменный протест против того, что картина не номинирована на премию. Трилогия «Три цвета» как фильм совместного производства формально не имела «гражданства». Опомнившись, Академия включила «Три цвета» в разные номинации не как иностранный, а как... американский фильм.

было отдохнуть. Публично он уверял, что уходит, но на самом деле не был уверен, что навсегда.

Есть какая-то грустная ирония в том, что сразу после возвращения из Лос-Анджелеса, с оscarовской церемонии, он признался мне, что думает об еще одной трилогии. Он сказал: «Если когда-нибудь решу что-то еще сделать, у меня есть идея трилогии о рае, аде и чистилище. Действие происходит в трех городах. Пока не знаю, где будут рай и чистилище, но ад думаю разместить в Лос-Анджелесе». К сожалению, сердечный приступ спас Лос-Анджелес от острого взгляда мастера.

Кшиштоф Кесьлевский прожил жизнь, какую хотел прожить, но слишком короткую. Он был гигантом кинематографа и рыцарем человечности. Мне будет не хватать его фильмов, мне будет не хватать его водки, но, что важнее, мне всегда будет не хватать его самого.

«Premiere». NY. June. 1996.
Перевод с английского **Олега Дормана**
